

УДК 342.7

Патрисия Вроцлавска,
докторант кафедры конституционного права,
Факультет права и администрации,
Лодзинский университет Республики Польша

ПРИНЦИП *LEX RETRO NON AGIT* В РЕШЕНИЯХ ПОЛЬСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

Аннотация

В статье автор рассматривает актуальные вопросы законодательства в Польши, а особенно тему принципов приличного законотворчества. Эти принципы не закреплены в Польской конституции непосредственно, но Конституционный Трибунал выводит их из принципа правового государства. Среди этих принципов одним из самых важных является принцип *lex retro non agit* (закон обратной силы не имеет). Автор показывает генезис этого принципа, его нормативные основы и содержание, а также исключения, подчеркивая его огромную роль в законотворческом процессе.

Ключевые слова: принципы приличного законотворчества, *lex retro non agit*, Польша.

Аңдатпа

Мақалада автор Польшадағы заңнаманың өзекті мәселелерін, әсіресе заң шығару қағидаттары тақырыбын қарастырады. Бұл қағидаттар Польша конституциясында бекітілмеген, бірақ Конституциялық Трибунал оларды құқықтық мемлекет қағидатынан шығарады. Бұл қағидаттардың ішінен маңыздылардың бірі деп *lex retro non agit* принципін атайды.

Тірек сөздер: заң шығару қағидаттар, *lex retro non agit*, Польша.

Abstract

In the article the author examines current issues in the law of Poland, and especially the topic of the principles of decent lawmaking. These principles are not enshrined in the Constitution of Poland itself, but the Constitutional Tribunal removes them from the principle of the rule of law. Among these principles, one of the most important is the principle of *lex retro non agit* (the law is not retroactive). The author shows the genesis of this principle, its regulatory framework and content, as well as exceptions, highlighting its important role in the legislative process.

Keywords: principles of decent lawmaking, *lex retro non agit*, Poland.

Уже много лет в польской доктрине права ведутся дискуссии, связанные с концепцией правового государства и вытекающих из неё стандартов приличного законотворчества. Нескончаемое обсуждение этого вопроса связано с постоянно ухудшающимся качеством польского права. Одной из причин такого состояния несомненно является несоблюдение законодателем принципов приличного законотворчества, будучи имманентным элементом принципа демократического правового государства. Требование о соблюдении этих принципов в процессе законотворчества были сформулированы Конституционным Трибуналом на основании статьи 2 Конституции Республики Польша. Принимая во внимание, что статья 2 Конституции закрепляет принципы и правила, которые, тем не менее, *expressis verbis* выражены в тексте правовой конституционной нормы, но исходя из своего существа вытекают из аксиологии и природы демократического правового государства" польский Конституционный Трибунал подразумевал под ними принципы приличного законотворчества. Один из основополагающих принципов – *lex retro non agit*, который в переводе означает «закон обратной силы не имеет», прямо не закреплен в Конституции, но вместе с тем, без сомнения является фундаментальным проявлением принципа демократического правового государства и одним из начал приличного законотворчества. Рассматриваемый принцип зарождается уже в римском праве и, как подчёркивает Конституционный Трибунал в своей практике, встречается (правда в несколько ином словесном выражении) уже в Кодексе Юстиниана. В письмах Цицерона закреплено положение о том, что «В праве *Vosonia* не осуждается прошлое действие, даже если оно преступное и безбожное, которого следовало избегать и в случае отсутствия закона.» В Конституции императора Теодозия написано, что «императорские конституции не оценивают прошлое, но регулируют будущее, что прямо предусмотрено». В III веке н.э. выдающиеся римские юристы: Ульпиан и Юлиан сформулировали сентенцию: *Interest rei publicae, ne maleficia remaneant impunita* (государственный интерес, что преступления не остаются безнаказанными).

В средневековье этот принцип появляется в каноническом праве (напр. *Clementinae* от 1317 г.). Надо подчеркнуть, что в польском правовом регулировании принцип *lex retro non*

agit появился уже в XIV веке вместе с установлением уставов Казимира Большого «*Cum omnes constitutiones et statuta legem imponant rebus et negotis presentibus et futuris et non preteritis*» и в Конституции от 1496 г., которая содержала тезис о том, что правовые нормы распространяет свое действие исключительно на отношения, которые возникнут в будущем. Нельзя также не упомянуть о выданной Владиславом Ягеллом в 1425 г. привилегии: «*Neminem captivabimus nisi iure victum*».

Дальнейшее развитие принципа связано с периодом Просвещения и с господствующей тогда теорией общественного договора. Гражданин в пользу государства ограничивал свою свободу. В области уголовного права имели место высказывания, требующие ограничения свободы судьи с помощью правовой нормы. Они нашли свое отражение в конституциях того времени (напр. Стана Филадельфия и Вирджиния от 1774 г.), уголовных кодексах (напр. Тоскании от 1786 г., Юзефа II от 1787 г.), а также в самом важном акте того периода – Декларации прав человека и гражданина. В начале XIX века уже в качестве принципа *nullum crimen sine lege* эти основы были распространены и одновременно обоснованы Фейербахом. С того времени принцип «закон обратной силы не имеет» являлся прочным элементом польской правовой системы и применялся как в юридическом порядке I, так и II Республик.

В периоде, предшествующем деятельности Конституционного Трибунала, этим принципом занималась доктрина права. Тогда он был выражен исключительно в уголовном и гражданском праве, не был конституционным принципом, но, вместе с тем, возникали многочисленные предложения о необходимости его конституционализации. На основе Конституции Полькой Народной Республики принцип *lex retro non agit* соединяли с принципом материальной законности, понимая под этим, что «запрещение ретроактивности составляет основание юридического порядка и имеет опору в таких ценностях как правовая безопасность, уверенность оборота и уважение приобретённых прав».

Позднее связывали его с принципом охраны веры граждан в государство (решение Конституционного Трибунала К 1/88), а затем после вступления в силу декабрьской новеллы от 1989 г. признали её одним из самых существенных элементов принципа правового государства. Таким образом этот принцип прочно занял свое место в правовой доктрине, стал составлять один из принципов приличного законотворчества.

В доктрине существуют многочисленные расхождения, касающиеся определения этого принципа. Впрочем, похожее явление имеет место в судопроизводстве Трибунала. Так, в решении У 1/86 предпринята первая попытка дать следующее его определение: «принцип «закон обратной силы не имеет» заключается в том, чтобы исключить наличие правовых норм, обязывающих применять вновь установленные правила к отношениям, которые возникли до вступления нового регулирования и с которыми право не связывало до этого времени правовых последствий, предусмотренных этими нормами. В случаях, когда законодатель указывает на необходимость применения новых норм к ранее возникшим отношениям, имеет место придание закону обратной силы». Такое понимание принципа *lex retro non agit* представляется узким и формальным, так как оно не относится к содержанию изменяемых правовых норм, а служит исключительно для описания времени действия нормы, которой придана обратная сила и принимает, как правило, форму непосредственного действия нового правила. Но из-за сомнений, которые появились в доктрине на фоне понимания этого принципа, Конституционный Трибунал признал в решении К 1/88, что принцип *lex retro non agit* следует понимать шире, а именно «также как запрещение составления преходящих правил, которые призваны определить содержание отношений, возникших ранее установления новых норм и, продолжающих действовать после их вступления в силу, если эти правила влекут за собой отрицательные юридические (а в последствии общественные) последствия, являющиеся угрозой правовой безопасности, а также ущемляющие приобретённые права».

В противном случае переоценка правового регулирования таких отношений давала бы повод частично усомниться в объективности нового закона, действие которого зависело бы уже исключительно от характера последствий этих отношений, что нарушало бы тем самым правовую определенность в отношениях в той части, в которой допускает возможность переоценки отношений, пусть и длящихся, но которые возникли до нового правового регулирования. Как следует из вышеизложенного, в целях необходимости исследовать не столько содержание юридических отношений, сколько их последствия, Трибунал ввёл, наряду с ранее установленным формальным, материальный критерий обратной

силы. Расширяя содержание рассматриваемого принципа, польский Конституционный суд признал, что факт того, что закон не распространяет своего действия на прошлые отношения объясняется, прежде всего ориентиром на охрану прав. На первый взгляд, подобный подход может означать устранение неопределенности в рассматриваемом вопросе, однако сам же Трибунал оказался непоследовательным, поскольку в одних случаях пользуется широким пониманием принципа *lex retro non agit*, а в других ориентирован на его применение в узком смысле.

Конституционный Трибунал выделяет в своём судопроизводстве обратную силу соответствующую и мнимую (ретроспекцию). Ретроспекция относится как к ранее возникшим, так и продолжающимся отношениям. Речь идет о ситуации, когда «вновь установленные нормы не применяются к случаям, возникшим до вступления их в силу, а только – как проспективный способ – моделируют ситуацию для субъектов, вводя изменение на будущее».

„Конституционный Трибунал полагает, что общественные отношения подлежат регулированию тем законом, который действовал в момент их возникновения, однако когда такие отношения имеют длящийся характер и их последствия приходятся на настоящее время, они должны регулироваться новым законодательством, не смотря на то, что возникли в период действия прежнего закона. Поскольку обстоятельства, возникшие во время действия прежних правил имеют непрерывный характер и длятся по-прежнему, – к ним подлежит применению новые правила. Нарушение принципа ретроактивности наступало бы тогда, когда закон придавал законную силу отношениям, возникшим и длящимся во времени до вступления его в силу”. Отличие ретроактивности от указанной выше ретроспекции является существенным вследствие того, что эта последняя не охвачена запрещением регрессивного действия права, вытекающего из статьи 2 Конституции РП. Трибунал обосновывает это тем, что «допущение иной точки зрения означало бы намеренное ограничение свободы законодательной власти в формировании и изменении закона в целях регулирования изменяющихся общественных отношений».

С принципом «закон обратной силы не имеет» связан также вопрос так называемой скрытой ретроактивности. Как пишет Т. Залясиньски, это ситуация, когда правовая норма действует с регрессивной силой вследствие причин, не вытекающих непосредственно из воли законодателя, но возникает при доведении принятого нормативного акта до неопределенного круга лиц значительно позднее вступления его в силу вследствие опоздания законодательного процесса. Такая ретроактивность является одним из самых частых случаев нарушения принципа неретроакции.

Принцип *lex retro non agit* не является абсолютным. Подтверждает это Конституционный Трибунал уже в первом заключении, касающемся проблематики ретроактивности, показывает, что для снятия запрета на обратную силу закона необходимы веские основания. Установление исчерпывающего перечня таких оснований влечет вместе с тем значительные проблемы – как в судопроизводстве, так и в доктрине права.

Как отмечает С. Вронковска «учитывая значимость доверия гражданина к закону, правовая доктрина, признает составление норм с регрессивной силой в качестве недопустимого, если субъекты, на которых распространяется действие этой нормы, не могли рационально предусмотреть решения такого рода. Полагаем допустимым согласиться с тем, что в некоторых случаях воздействие норм на ранее возникшие отношения является оправданным, особенно при наличии на то веских причин, а также если у заинтересованных субъектов были основания ожидать принятия таких норм».

Конституционный Трибунал многократно подчёркивал, что принцип «закон обратной силы не имеет» в некоторых ситуациях может быть нарушен, но прекращение его действия возможно только в исключительных случаях при обязательном соблюдении другого конституционного принципа. Под «Особенными случаями» необходимо понимать «чрезвычайно исключительные ситуации, когда из объективных соображений предпочтение отдается определённой ценности, охраняемой или находящей своё подтверждение в правилах Конституции РП. Исключительность ситуации предполагает осуществление оценки каждого конкретного случая в отдельности и одновременную невозможность выработки более общего, универсального правила». В приговоре от 7 февраля 2001 года Трибунал признал, что отступление от этого правила допустимо, особенно тогда, когда «это необходимо для признания конституционной ценности,

оцененной как более важный элемент, охраняемый запрещением ретроакции, а также если выступает за этим необходимость выполнения другого конституционного принципа, а одновременно соблюдения этого принципа не возможно без обратной силы закона». Для примера, Конституционный Трибунал признал, что тяжелая бюджетная ситуация не может служить оправданием нарушение запрета, выраженного в *lex retro non agit*. В связи с тем, что законодателю изначально было известно о состоянии государственного бюджета, то отсутствовали какие-либо препятствия для введения в определенный промежуток времени соответствующих правовых предписаний.

Действие принципа *lex retro non agit* наиболее ярко проявляется в тех областях, где личность подчинена непосредственно власти государства. Помимо уголовного права к такой области относится, например, налоговое право. Сказанное, вместе с тем, не означает что рассматриваемый принцип не имеет значения для целей гражданского права. К этим отраслям права Конституционный Трибунал наиболее часто обращается в своих решениях, относящихся к обсуждаемому принципу приличного законотворчества.

В уголовном праве принцип «закон обратной силы не имеет» носит абсолютный характер. Ст. 42 ч. 1 з. 1 Конституции РП, устанавливающая принцип *nullum crimen sine lege*, содержит следующую норму: «Уголовной ответственности подвергается только тот, кто совершил деяние, запрещённое под угрозой наказания законом, действующим во время его совершения». Это правило, наряду с принципом *lex retro non agit*, выражает ещё принципы *nullum crimen* и *nulla poena sine lege*. Как констатирует Трибунал в решении СК 21/99 «генеральный принцип «закон обратной силы не имеет» принимает особое значение в сфере уголовного права. Связь этого принципа с уголовным правом прослеживается из ст. 42 ч. 1 Конституции (принцип *nullum crimen sine lege*). Значение этого принципа можно выразить тем, что нет преступления без закона, действующего во время совершения преступления, а также нет наказания без закона, предусматривающего, что закон обратной силы не имеет, и, следовательно, вынесение приговора возможно только на основании закона, действующего в момент совершения деяния. Принцип *lex retro non agit* создаёт гарантию безопасности того, что действие, которое не подпадает под признаки преступления, не будет признано таковым и по истечении определенного времени, и только то деяние подлежит преследованию, которое находится под запретом закона». Таким образом, лицо не может нести уголовную ответственность если инкриминируемое ему деяние на момент его совершения не признавалось преступлением.

Трибунал признал, что принцип *nullum crimen sine lege* это особенный подход принципа *lex retro non agit*. «Принцип *lex retro non agit* в сфере, в которой он поглащается более широким принципом *nullum crimen sine lege*, заключен во всех международных актах, касающихся прав и свобод человека, например, в ст. 7 Европейской Конвенции по Правам Человека, ст. 9 Американской Конвенции о Правах Человека, ст. 7 уст. 2 Африканской Карты Прав Человека и Народов, ст. 15 Международного Пакта Гражданских и Политических Правах. Что касается польского законодательства, то этот принцип выражен как в ст. 98 ч. 2 Конституции от 1921 г., так и в ст. 68 уст. 4 Конституции от 1935 г. В периоде Польской Народной Республики его выводили из ст. 1 Уголовного кодекса как 1932 г., так и 1969 г., а после 1989 г. из конституционного принципа демократического правового государства. Сегодня этот принцип выражен в ст. 1 Уголовного кодекса от 1997 г. и в ст. 42 ч. 1 Конституции от 1997 г. Первое предложение этого правила соединяет принцип *lex retro non agit* с принципом *nullum crimen sine lege*; второе предложение содержит исключение этого правила в отношении поступков, подпадающих под преступление в сфере международного права».

В гражданском праве вопрос регрессивной силы закона урегулирован в ст. 3 Гражданского кодекса следующим образом: «закон обратной силы не имеет, поскольку это вытекает из его предназначения.» В начальном периоде своего существования в гражданском праве, к принципу «закон обратной силы не имеет» не было возражений со стороны доктрины. Позднее появилось мнение, рассматривающие возможность некоторого отхода от этого принципа, учитывая «цель закона». В последствии, когда Трибунал более подробно занялся проблематикой принципа *lex retro non agit*, в доктрине разгорелся спор, основанный на различающихся между собой точках зрения в понимании этого принципа с позиций Конституции РП и Гражданского кодекса. Часть представителей науки высказалась тогда за допустимость обратной силы закона, приняв во внимание

не только его букву, но и его цель (в том числе А. Вольтэр, Й. Игнатович), другие выражали взгляд о возможности обратной силы закона исходя исключительно из его буквального выражения (в том числе Э. Лэнтовска, К. Пясэцки). Верховный Суд констатировал вместе с тем, что обратная сила закона, должна вытекать из его выражения, а в виде исключения можно допустить ретроактивность, учитывая цель закона. Конституционный Трибунал ни в одном из своих решений не предусмотрел исключения из обсуждаемого принципа в защиту «цели закона», что возможно стало причиной сомнений, выраженных в виде появляющихся в доктрине мнений относительно его применения в соответствии со ст. 3 Гражданского кодекса, говоря, что он подвергся *dessuetudo*. Этот момент остаётся спорным, однако, как правильно показывает Т. Залясиньски, на основании закона об опубликовании нормативных и некоторых других юридических актов следует вывод о том, что нормативный акт действует с обратной силой, при условии, что принципы демократического правового государства не являются препятствием этому. Обратная сила вытекающая «из цели закона», в соответствии с судопроизводством Конституционного Трибунала и взглядом доктрины права, не соответствует принципам демократического правового государства. Следовательно, через призму принципа *lex posterior derogat legi priori* ст. 3 Гражданского кодекса, в той мере, которая допускает возможность существования ретроактивности «из цели закона», выведена из юридической системы.

Разработанный в уголовном праве, принцип «закон обратной силы не имеет» применяется также в налоговом и страховом праве. Как констатировал Трибунал в приговоре от 15 сентября 1998 г. «принцип *lex retro non agit* особенно сильно проявляется в тех областях, где личность подчинена непосредственной власти государства. Наряду с уголовным правом, к такой сфере относится и налоговое право». «По мнению Трибунала юридические гарантии охраны личности имеют исключительно большое значение в налоговом праве как в материально-правовом аспекте, так и процессуальном». Значительную роль в этом смысле играют принципы юридической безопасности граждан.

Также следует отметить, что обратная сила закона не нарушает ст. 2 Конституции РП, поскольку распространяется на новые правила, которые улучшают юридическую ситуацию адресатов данной нормы и одновременно не ухудшают правового положения остальных лиц, на которых распространяется ее действие.

Обобщая вышеизложенное, принцип *lex retro non agit* занимает особое место среди принципов приличного законотворчества. Конституционный Трибунал признаёт его основным принципом правового регулирования, который основывается на таких ценностях как юридическая безопасность граждан, уверенность юридического оборота и охрана приобретённых прав. Принцип «закон обратной силы не имеет» признаётся всеми в качестве одной из основ цивилизованного строя современного государства. Вокруг него сосредоточивается огромное достижение науки права.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Т. Заласински «Принцип правильной легисляции в служениях Конституционного Трибунала», Сеймовое Издательство // Варшава 2008 – 239 с.
- 2 С. Вронковска «Изменения в юридической системе (Из вопросов законодательной техники и политики)» // «Государство и право» 8/1991. – с. 9.
- 3 Й. Онишчук «Юридическое государство в решениях Конституционного Трибунала (принципы юридического государства)», Издательство Хельсинский фонд по правам человека, Варшава 1996. – 88 с.
- 4 Решение Верховного Суда III ЦЗП 2/72 от 27 апреля 1971 г.
- 5 Решение Конституционного Трибунала У 1/86 от 28 мая 1986 г.
- 6 Решение Конституционного Трибунала К 1/88 от 30 ноября 1988 г.
- 7 Решение Конституционного Трибунала К 15/91 от 29 января 1992 г.
- 8 Решение Конституционного Трибунала К 24/97 от 31 марта 1998 г.
- 9 Решение Конституционного Трибунала К 10/98 от 15 сентября 1998 г.
- 10 Решение Конституционного Трибунала К 4/98 от 16 июня 1999 г.
- 11 Решение Конституционного Трибунала П 2/99 от 6 июля 1999 г.
- 12 Решение Конституционного Трибунала К 13/99 от 3 ноября 1999 г.

- 13 Решение Конституционного Трибунала СК 21/99 от 10 июля 2000 г.
- 14 Решение Конституционного Трибунала К 26/99 от 25 сентября 2000 г.
- 15 Решение Конституционного Трибунала К 27/00 от 7 февраля 2001 г.
- 16 Решение Конституционного Трибунала К 27/01 от 3 октября 2001 г.
- 17 Решение Конституционного Трибунала К 27/03 от 8 марта 2005 г.
- 18 Решение Конституционного Трибунала К 11/04 от 4 апреля 2006 г.
- 19 Решение Конституционного Трибунала К 47/05 от 19 марта 2007 г.

Дата поступления статьи в редакцию: 12 сентября 2013 г.